

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук
Комментарий на Евангелие от Матфея¹

Детство Иисуса *главы 1 и 2*

РОДОСЛОВИЕ ИИСУСА. 1:1–17 (см. Лк. 3:23–28).

¹² Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. **2** Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; **3** Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; **4** Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; **5** Салмон родил Воо́за от Рахавы; Воо́з родил Ов́ида от Руфи; Ов́ид родил Иессея; **6** Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею; **7** Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу; **8** Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Озию; **9** Озия родил Иоафاما; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекия; **10** Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию; **11** Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, перед переселением в Вавилон. **12** По переселении же в Вавилон Иехония родил Салафийля; Салафийль родил Зоровавеля; **13** Зоровавель родил Авиуда; Авиуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора; **14** Азор родил Садок; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуда; **15** Елиуд родил Елеазара; Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; **16** Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос. **17** Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

² Текст Евангелия приводится по Синодальному переводу. В тех случаях, когда перевод Лаука отличается от него, мы даём вариант Лаука.

И Матфей, и Лука, хотя оба подчёркивают девственное рождение Иисуса, приводят родословие Иосифа. По действовавшему тогда иудейскому брачному праву в силу брака святого Иосифа с Марией её Младенец юридически считался сыном Иосифа, а значит, потомком Давида. Однако из-за особого рождения Иисуса то, что Он — *от семени Давидова по плоти* (Рим. 1:3; ср. 2 Тим. 2:8), связывали скорее с Марией, в чём первохристианская Церковь, за немногими исключениями, была убеждена, и о чём уже во II веке свидетельствует Иустин. Это следует прежде всего из Лк. 1:27, где прямо сказано, что Мария была из дома Давидова. По контексту Евангелия от Луки эти слова относятся именно к ней, хотя чисто грамматически их можно было бы отнести и к Иосифу. С другой стороны, происхождение Марии от Давида не безусловно объясняется её браком (и родством) с Иосифом. Распространённое мнение, согласно которому израильтяне могли вступать в брак только внутри своего рода, не вполне верно. В Числ. 36, на что обычно ссылаются сторонники этого взгляда, такое предписание относится только к дочерям-наследницам, чтобы земельное владение не переходило к другому колену. В остальных случаях всякий израильтянин, даже священник, мог жениться на любой израильтянке, если на ней не было порока.

Матфей всё это, конечно, знал. Но он не занимался этими тонкостями. Его цель заключалась не в том, чтобы специально доказывать происхождение Иисуса именно от Давида: нужды в таком доказательстве у него не было, поскольку никто из иудеев не оспаривал, что Иисус — *от семени Давида*. **(1)**³ То, что не это стоит в центре внимания Матфея, ясно из того, что он ведёт родословие дальше Давида, до самого Авраама. Из построения родословия видно, что у Матфея была другая цель — а именно: **(17)** Матфей особенно подчёркивает, что от Авраама до Давида, от Давида до Вавилонского плена и от Вавилонского плена до Христа прошло по четырнадцать поколений. Правда, в дошедшем до нас тексте это не вполне сходится: в третьем ряду получается только тринадцать поколений. Если же считать Иехонию дважды, чтобы получить число четырнадцать, тогда тем же образом пришлось бы дважды считать и Давида, и во втором ряду получилось бы пятнадцать. Поскольку Матфей, разумеется, умел считать и в данном случае, очевидно, считал очень тщательно, естественнее всего предположить ошибку греческого переводчика. Вероятно, в стихе 11 у Матфея вместо Иехонии стоял Иоаким. В еврейском языке эти два имени легко перепутать.

³ Стих вышеприведённого отрывка Евангелия, к которому относится толкование.

Иоаким действительно был сыном Иосии и имел нескольких братьев, тогда как о братьях Иехонии, сына Иоакима, ничего неизвестно.

Однако сами эти группы по четырнадцать поколений выстроены намеренно. Это видно не только из сравнения с Лукой, у которого перечислено гораздо больше звеньев, но и из самого родословия, как его составляет Матфей. В списке царей от Давида до Иехонии, в стихе 8, между Иорáмом и Озией опущены три царских имени — Охóзия, Иоáс и Амасія; другого очевидного основания для этого, кроме стремления получить число четырнадцать, не видно. Это подводит нас к мысли, которую Матфей вкладывал в своё родословие. О чём он хочет сказать, видно уже из заглавия: «Книга родства Иисуса Христа», что можно перевести и как «Книга о происхождении, о становлении (βίβλος γενέσεως) Иисуса Христа». Иисус Христос — Бог и Человек в одном Лице. Как Бог Он не «становился», Он был и есть от вечности, вместе с Отцом и Святым Духом. Но как Человек Он «стал», «произошёл» — *от семени Давидова по плоти* (Рим. 1:3). И как Бог всегда действует, раскрывая и осуществляя Свой замысел постепенно, так и пришествие Своего Сына во плоти Он приготавливал долгое время.

Это родословие похоже на иероглифическую надпись. Перед нами лишь голые знаки-имена, из которых непосвящённый ничего не извлечёт. Но тот, кто умеет понимать эти знаки, видит в них вечный Божий замысел, в соответствии с которым Он направляет ход истории.

Авраам был первым, кого Бог избрал из множества народов, чтобы спустя тысячелетия произвести от его семени Мессию. От Авраама история избранного народа восходит к своей вершине — Давиду, пророческому прообразу Мессии. Имена патриархов и праотцев напоминают читателю, знающему священную историю, каких унижений, трудов и борьбы стоило избранному народу это восхождение, начиная уже со времени Египта.

Как затем этот народ через свои грехи и отступления от Бога падал с этой высоты, показывает второй ряд имён — линия иудейских царей вплоть до несчастного Иехóнии, которому пришлось уйти в Вавилонский плен. Тогда казалось, что всем Божиим обетованиям пришёл конец. Однако народ снова медленно выходит из этой тьмы, и это показывает третий ряд: по большей части забытые и неизвестные имена, вплоть до Иисуса Христа.

Трижды по четырнадцать: три равных ряда. Этим Матфей хочет показать, что ход истории не был случайным. Эти восхождения и падения были точно рассчитаны Богом — можно сказать, математически рассчитаны, — чтобы в итоге явился Тот, к Кому

направлен весь Божий замысел о мире: Иисус Христос. Нашему современному мышлению такой способ изложения, конечно, представляется непривычным. Но древних восточных писателей нужно понимать и читать так, как они мыслили. Определённая правка родословий и их сокращение не вызывали у них затруднений, поскольку действовал принцип: «сыновья сыновей считаются сыновьями». Поэтому они могли не придерживаться той исторической точности, какой требуем мы, чтобы даже в том, что кажется просто сухим перечнем имён, понимающий читатель открывал для себя идею о смысле истории.

И действительно, всё происходящее не только в жизни народов, но и в жизни отдельного человека чаще всего видится нам случайным и запутанным — потому, что мы смотрим на это человеческими, близорукими, земными глазами. Для Бога же всё совершается с такой же точностью, как движение светил, чтобы в конце, несмотря на все подъёмы, падения и смешения судеб, исполнились Его замыслы. В конечном счёте из Божьего расчёта так или иначе выходит один и тот же итог — Иисус Христос, Тот, Кто станет великим завершением всей мировой истории, Тот, Кто на Страшном суде будет явлен всем народам.

Но удивительно, каким путём Бог ведёт всё к этому итогу. Об этом родословие Матфея тоже говорит — таинственно, но всё же достаточно определённо.

Во времена Христа было общепринято составлять семейные родословия. В Мишне подробно прописаны правила, по которым синедрион должен был решать вопрос о законности происхождения. Однако женские имена в родословиях встречались крайне редко — только тогда, когда в происхождении была какая-то неправильность или имелось нечто особенно примечательное. Матфей четырежды отступает от этого правила. И отступает весьма необычным образом. Великие жёны, например, Сарра и Ревекка, остаются без упоминания. Вместо них он называет четырёх других женщин, которые у иудейского читателя вполне могли вызвать самые неприятные ассоциации.

Фамáрь (ст. 3), переодевшись блудницей, сумела соблазнить собственного свёкра Иуду и родила от него Фарéса и Зáру (Быт. 38). Раáв была иерихонской блудницей; её пощадили при взятии Иерихона за помощь, оказанную соглядатаям (Нав. 2; 6). Руфь лично была безупречна и принадлежит к самым привлекательным женским образам Ветхого Завета. Но она была не только язычницей по рождению: сам её народ произошёл от страшного греха. Две дочери Лота, желая после разрушения Содома сохранить потомство, напоили собственного отца вином и вступили с ним в связь; так старшая дочь стала праматерью моавитян (Быт. 19). Наконец, всем была известна

история прелюбодеяния Давида с Вирсавией, женой Урии, которую евангелист даже не называет по имени; известно и то, каким коварным образом Давид погубил преданного ему Урию (2 Цар. 11).

Вот такие женщины тоже участвовали в становлении рода Мессии. Здесь открывается державная благодать Божия: Бог, как мы видим, нередко использует даже нечто весьма дурное и злое, чтобы осуществить Свои высочайшие благодатные планы, — не потому, что Он любит зло, а потому, что Он, сострадая нам, падшим людям, премудро устрояет всё с учётом нашего падения. Это великое утешение для всякого, в чьей жизни тоже есть тёмные пятна, — особенно для того, кто, быть может, доходит до отчаяния, потому что каким-нибудь поступком, совершённым по страсти, направил всю свою жизнь по неверному пути. Да, после подобного поступка твой земной путь, конечно, пойдёт иначе — возможно, необычайно тягостно и среди бурь; и это будет покаянным бременем, которое ты должен нести за свои действия. Но будь твёрдо уверен: и *это* твой Бог включает в Свой сокровенный замысел о тебе, чтобы привести тебя ко спасению.

Если сравнить родословие у Матфея с родословием у Луки, бросается в глаза, что почти ни одно имя не совпадает. Во втором и третьем рядах одинаковы только начальные и конечные имена, все промежуточные — разные. Но было бы слишком поспешно делать отсюда вывод, будто оба родословия — некие вымыслы. Против этого говорит уже сказанное выше: во времена Иисуса родословия были широко распространены, и составляли их с большой тщательностью.

Так, несомненно, и Матфей, который первые два ряда своего родословия в основном взял из списков Первой книги Паралипоменон, во второй части следовал семейному преданию. Иначе невозможно объяснить, почему он и здесь не взял имена из Паралипоменон, ведь они тоже были у него под рукой. То же относится и к Луке.

Откуда же тогда эти различия? Полностью объяснить их, вероятно, уже никогда не удастся. Но многое может прояснить установленный законом обычай так называемого левиратного брака (Втор. гл. 25). Если человек умирал бездетным, закон требовал, чтобы его брат взял его жену, а первый сын, рождённый от этого брака, был записан в родословие «на имя умершего брата», чтобы имя того не изгладилось в Израиле.

Поэтому, вероятно, прав был христианский учёный, врач III века Юлий Африкан. Он лично в Палестине расспрашивал потомков рода Иисуса и на основании этих сведений сообщает следующее: Илий, которого Лука называет отцом Иосифа, умер бездетным; тогда его брат Иаков взял жену Илия и родил от неё Иосифа; при этом

Иаков и Илий были родными братьями только по матери, а по отцу происходили из разных ветвей дома Давидова; отец Иакова, именно Матфáт, был потомком Давида через Соломона (ср. Мф. 1:15), а его мать звали Есфá; после смерти Матфата Есфá снова вышла замуж — за Мелхíя, происходившего от Нафáна, сына Давида; от этого брака и родился Илий. С этим хорошо согласуется и то, что Матфей постоянно употребляет выражение «родил», то есть говорит о прямом происхождении, тогда как у Луки всем звеньям родословия предшествует выражение «как думали». Этим, а также усыновлением, могут объясняться и другие расхождения между двумя родословиями — впрочем, разумеется, не все. Непонятно, например, то, что в предании, найденном Африканом, отсутствуют два имени, которые есть у Луки (3:24): Матфáт и Левíй. Родословия вообще дело сложное. Кроме того, ветхозаветные родословные списки часто неполны: по существовавшим правилам иудеи могли без затруднений пропускать некоторые имена. Наконец, многие имена из-за переписывания дошли до нас в искажённом виде. Не исключено и то, что сами семейные предания, которым отчасти следовали Матфей и Лука, уже содержали ошибки.

Всё это не противоречит богодухновенности Священного Писания. Богодухновенность служит порукой тому, что священный писатель не ошибается в том, что сам — прямо или косвенно — сообщает как достоверное, то есть в тех утверждениях, за достоверность которых он несёт ответственность лично. Но богодухновенность вовсе не исключает того, что в письменном или устном предании, которое священный писатель для своих целей привлекает со стороны, могут содержаться ошибки. Так, например, в перечнях жвачных животных в книгах Моисея названы животные, которые в действительности не жуют жвачку. Но на священных авторов не следует возлагать ответственность за каждую частность, происходящую из побочных источников.

Как бы то ни было, одно сразу видно из сравнения двух родословий: происхождение семьи Иисуса было очень сложным. Он воспринял в Себя кровь множества израильских предков. Он изволил именно стать вполне Человеком — целиком войти в человеческий род и произрасти из него, чтобы во всём быть одного рода с нами. Такова любовь Сына Божия. Любви вообще свойственно не оставаться в одиночестве и отдалении, а, насколько возможно, входить в самую жизнь и самую суть тех, кого она любит.

Некоторые из этих имён нам хорошо известны; современникам Матфея они были известны ещё лучше. Другие — см. родословие у Луки и последний ряд у Матфея — совсем неведомы; кто за ними стоит, мы не знаем. Мы читаем только имена, одно за

другим, как человек, который идёт по древнему кладбищу. И всё же каждое из этих имён когда-то принадлежало живому человеку. В его груди билось человеческое сердце: то сильно и бурно — в порывах страсти, то тревожно и робко — под тяжестью забот. Всё это давно, давно прошло. Но здесь, в Евангелии, эти забытые имена стоят и будут стоять до конца мира. Потому что все эти люди содействовали тому, чтобы приготовить Искупителю Его род, и это оказалось в их жизни тем, что осталось навеки. Так и от нашей жизни остаётся только то, что так или иначе связано с Иисусом Христом. Тот, кто дал Ему пристанище в своём сердце, навсегда записан в книге жизни.

РОЖДЕНИЕ ИИСУСА. НАРЕЧЕНИЕ ИМЕНИ. 1:18–25

18 Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого. 19 Иосиф же муж Её, будучи праведен и не желая огласить Её, хотел тайно отпустить Её. 20 Но когда он помыслил это, – се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого; 21 родит же Сына, и наречёшь Ему имя Иисус, ибо Он спасёт людей Своих от грехов их. 22 А всё сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: 23 се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог. 24 Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, 25 и не знал Её. Как наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарёк Ему имя: Иисус.

Уже в рассказе о происхождении Иисуса евангелист дал понять, что в Его рождении было нечто уникальное. Дойдя до Иосифа, он оставляет выражение «родил», которое употреблял до сих пор, и продолжает иначе: «...мужа Марии, от которой родился Иисус» (ст. 16). В чём состоит эта уникальность, он объясняет далее: речь идёт о непорочном зачатии. В отличие от Луки Матфей ничего не говорит ни о времени, ни о месте, ни об обстоятельствах рождения. Следуя своему обычному способу изложения, он выделяет только самое существенное: чудесность этого рождения и значение Родившегося.

Итак, Мария была обручена с Иосифом. По нашим представлениям, она была тогда ещё очень юной: иудейских девушек обычно обручали в двенадцать или двенадцать с половиной лет. Святого Иосифа вряд ли стоит представлять себе

пожилым человеком — таким, каким его привыкли изображать. Иудейские мужчины обычно вступали в брак в восемнадцать лет, самое позднее — в двадцать четыре. Едва ли и Иосиф ждал дольше. Брак считался обязанностью мужчины, что часто подчёркивали раввины. Так, равви Елеазар, живший около 270 года, говорил: «Всякий мужчина, у которого нет жены, — не человек».

Обручение отличалось от собственно брака, то есть от торжественного введения невесты в дом жениха. Однако в правовом отношении обручённая уже вполне считалась женой. Поэтому в случае смерти обручённого она становилась вдовой и получала право на кетубу — установленную брачным договором часть имущества умершего мужа. Нарушение верности после обручения по закону уже считалось прелюбодеянием. Таким образом, Мария уже с момента обручения именуется женой Иосифа, а он — её мужем. Обручение совершалось путём передачи определённой суммы денег или соответствующего документа в присутствии двух свидетелей. После этого невеста могла ещё около года оставаться дома, готовить своё приданое, а затем происходило торжественное введение в дом жениха.

(18) И именно тогда обнаружилось, что Мария носит во чреве Младенца. При той сокровенности, в которой жила Пресвятая Дева, другие люди едва ли могли это заметить. Однако Иосиф заметил, хотя поначалу, конечно, с трудом в это поверил. И он ещё не знал того, что известно евангелисту: что она зачала «от Духа Святого». Бедный Иосиф! Его невеста — чистейшая из чистых! И всё же факт был налицо. Для него это, должно быть, были страшные дни и недели, когда, казалось, рушилось всё, что он до сих пор считал истинным, верным и святым. И он молчал. Благоговение перед ней и теперь заграждало его уста — и перед ней самой, и тем более перед посторонними. Способность молчать в таком положении требует подлинной силы характера, полного самообладания, великой святости. И нам — хотя мы, конечно, не оказываемся в столь исключительных обстоятельствах, — нужно учиться такому смиренному молчанию. Кто ему научится, того оно не только удержит от многих неверных шагов, но и станет для него источником внутренней силы.

Однако необходимо было принять решение. Как человек праведный, Иосиф не мог при таких обстоятельствах взять Марию к себе, но и выставить её на общественный позор он тоже не хотел. Если предать дело огласке, то по закону за такой поступок полагалось побиение камнями (Втор. 22:23 и далее), которое по тогдашнему правоприменению в большинстве случаев заменялось удушением. Впрочем, казнь назначалась только при наличии свидетелей самого поступка. Но всё равно судебное разбирательство погубило бы её доброе имя, тем более что с

определённого момента скрыть беременность уже было невозможно. Просто разорвать отношения Иосиф тоже не мог: юридически они уже были обручены. Оставалось одно: **(19)** избегая публичного разбирательства, вручить ей разводное письмо, например, через родственников или друзей (Втор. 24), которые хранили бы в тайне причину развода. А она! Женская стыдливость и Божия тайна, доверенная ей ангелом (Лк. 1:26 и далее), смыкали уста и ей. Но как же тяжело ей было! Казалось, Бог едва ли мог возложить на Пресвятую Деву большую скорбь: она, Всечистая, должна была предстать в таком положении перед человеком, которого больше всех уважала и любила.

Когда Бог приводит Свои замыслы в исполнение, Он не останавливается перед тем, что по-человечески кажется тяжёлым, — прежде всего для тех, кого Он особенно любит. Быть Матерью Божией — нелёгкое призвание. Едва Младенец явился в её девственном лоне, как она уже была низведена в самую глубокую бездну унижения и горя, ибо видеть, как невинный обручник страдает из-за неё, было для неё тяжелейшим испытанием.

В жизни двух людей, связанных любовью, бывают такие положения, когда они не могут ясно понять, что происходит между ними — особенно если по долгу служения или по другим высшим причинам один должен молчать о том, чего другой понять не может. Тогда нужно уметь не только ждать, но и доверять: не только Богу, но и любви и верности другого человека, даже если в данный момент обстоятельства окутаны непроглядной мглой. Бог попустил Марии и Иосифу довольно долгое ожидание. Он никогда не спешит, когда хочет испытать Своих, — но и не оставляет их в скорби. **(20)** «Когда Иосиф помышлял об этом, ангел Господень явился ему во сне» — с вестью, которая всё разрешала: «Сын Давидов, внимли: **(21)** обетования, данные Давиду, исполняются». «Родившееся в ней» будет именно тем великим Сыном Давидовым, которого ждал Израиль. Поэтому «наречёшь Ему имя Иисус» — именно Иосифу как законному отцу принадлежит право дать Младенцу имя. Само имя Иисус означает: «Бог есть спасение и помощь»; следовательно, имеющий родиться Младенец — Искупитель. Но не в том смысле, в каком тогда ожидали иудеи: не как освободитель от политического, земного гнёта; а в том, что «Он спасёт людей Своих от грехов их».

Как важно и нам не забывать, что прежде всего следует прибегать к Спасителю, когда нас гнетут грехи, а не только в земных несчастьях, которые обычно побуждают нас молиться Ему.

(22) «А всё сие произошло», дабы исполнилось древнее пророчество Исаии о Деве, Которая зачнёт и родит Сына. Теперь у св. Иосифа словно пелена спадает с

глаз. Это пророчество он, конечно, уже много раз слышал и читал. Но ни один иудей его времени не понимал его так. Ни один книжник того времени не ожидал девственного рождения Мессии. Теперь же всё стало светло и ясно: моя любимая юная невеста — девственная Матерь Сына Божия!

И тут Евангелие представляет нам Иосифа как человека дѣла и послушания. Как только всё стало ясно, он действует — и действует именно так, как было повелено. «Встав от сна», он исполнил всё (ст. 24–25). Слова «не знал (не познал) её, как наконец (доколе) она родила Сына» вовсе не означают, будто потом он познал её, то есть вступил с ней в супружеское общение. О том, что произошло после описанного, само греческое выражение (ἔως, «доколе») ничего не говорит — в этом согласны все толкователи, в том числе и не католические. О догмате приснодевства Марии после рождения Иисуса см. комментарий к 12:46 и далее.

Иосиф был удивительным человеком. Таким молчаливым, таким мудрым, таким деликатным, таким полным самообладания, таким решительным в действиях и таким послушным Господу может быть только тот, кто, хоть и носит одежду простого ремесленника, внутренне стоит на исключительной высоте. Да, Бог знал, кого поставить рядом со Своей Пресвятой Матерью!